

CUR INVIDENDIS POSTIBUS MOLLIAR ATRIUM: ЗАВИСТЬ И КОНТРОЛЬ КАК ДВА МОДУСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ВИЛЛАХ РИМСКОЙ ЗНАТИ

В.Г. Тельминов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, доцент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-4-4-61-69

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-00133).

Аннотация. В статье анализируются сценарии эмоционального состояния *invidia*, которое могли сопровождать опыт посетителей загородных вилл римской знати. На основе литературных свидетельств выявлено наличие разнонаправленных тенденций в отношении к зависти как к способу стимулирования соперничества внутри элит, что допускает возможность сознательного стремления к ее индуцированию посредством визуальных архитектурных приемов, в особенности перспективы. На материале поэмы Стация рассматриваются образы символического контроля, осуществляемого архитектурой и ее владельцами над состояниями природных стихий. При сопоставлении с архитектурными приемами на вилле Сан Марко выявляется целый ряд перспектив в глубинной части виллы, транслирующих идею контроля, в то время как перспективы, объединенные темой зависти, находятся в помещениях входной группы.

Ключевые слова: Древний Рим, *villae maritimae*, история эмоций, политическая коммуникация.

В эпоху поздней республики и раннего принципата частные поместья римской знати (*domus*, *villa sububana* и *villa marittima*) были не только местами для *otium*, но и пространством для политического *negotium*: местом приема разнообразных гостей, а также площадкой для дискуссий и принятия политических решений. Эти дома и виллы, а еще точнее, *резиденции* были пригодны для приема большого количества гостей и служили статусным инструментом, демонстрирующим вкус и богатство их владельцев.

Если любая коммуникация нуждается в неком пространстве, чтобы в нем протекать, то политическая коммуникация, как правило, происходит в общественном пространстве. Несмотря на частный статус вилл нобилитета, помещения, в которых данная коммуникация осуществлялась, обрели тем самым статус общественных. Общественное, репрезентативное пространство и частное пространство внутри виллы сосуществовали не случайно, но следуя определенным структурным прин-

ципам, в том числе принципу визуальной оси.

Уоллес-Хэдрил сформулировал концепцию фронтальной визуальной оси, которая объединяла основные общественные и частные пространства дома вдоль вектора публичное-частное и тем самым демонстрировала определенную перспективу социальной (по отношению к обществу) и клиентской (по отношению к хозяину) мобильности. На наш взгляд, этот тезис следует расширить, по крайней мере, в отношении приморских вилл, добавив в рассмотрение боковые перспективы, которые могли вызывать у посетителей и другие значения и ассоциации, кроме социальной и клиентской мобильности.

Ранее на материале виллы Сан Марко нами были выявлены возможные суггестии (смыслы), которые сопровождали маршрут разных категорий ее посетителей. По итогам данного исследования был сделан вывод, что наиболее часто повторяются суггестии, группирующиеся вокруг понятий зависти (*invidia*) и контроля (*imperii-*

um). Эти два новых типа перспектив дополняют ранее сформулированную концепцию единой оси и, таким образом, усложняют наше понимание символического ландшафта римской приморской виллы.

Если хозяин мог стремиться стимулировать полезные для себя аспекты суггестий и эмоций у посетителей, то с точки зрения воспринимающего субъекта должна была оставаться определенная свобода восприятия. *Invidia* могла ощущаться не только как позитивная эмоция (как претензия на новый статус, как эмоция, вызывающая стремление подражать владельцу виллы и развивать с ним сотрудничество), но и как негативная. Демонстрируемый на вилле *imperium* мог также интерпретироваться и как контроль над природой, демонстрирующий силу хозяина, и как неподобающее злоупотребление своей властью и попираание природы в неуместном ключе.

Исследование визуальных осей и транслируемых ими суггестий невозможно без контекстуализации эмоции *invidia* в рамках античного узуса, а также анализа роли концепта контроля в рамках античного мировидения. Так как проблема зависти как эмоции в древнеримском обществе ранее не получала пристального внимания в науке, ей мы уделим в данной статье основное внимание.

Зависть в Древнем Риме

В вопросе изучения эмоций в науке существует две методологические установки – когнитивистская и неodarвинистская. Когнитивисты утверждают, что физиологические и психологические ощущения, которые в обиходе мы называем эмоцией, являются лишь следствием ответа мозга на сенсорные и другие раздражители. Их оппоненты полагают, что физиологический ответ приходит сразу, ещё до того, как мозг придумает нужную интерпретацию. В данной статье мы будем исходить из когнитивистского подхода.

Из всех эмоций наиболее удобными для изучения считаются пан-культурные эмоции, выявляемые у детей всех культур на основе анализа мимики. В их числе ярость, страх, счастье, грусть, удивление и отвращение.

Как видим, зависти в числе основных эмоций нет.

Особняком в ряду исследователей в данном вопросе стоит Клейн. Она включала в этот список зависть и, более того, называла ее первичной эмоцией, ассоциируя её с фрустрацией ребёнка в моменты прекращения кормления грудью на фоне сохраняющейся потребности в молоке. Кроме того, Клейн объединяла в одну эмоциональную систему ревность в рамках Эдипова комплекса и зависть к материнскому молоку.

Большинство исследователей несогласны с Клейн и считают более сложные эмоции (зависть, ревность и др.) вторичными, то есть обусловленными социальной средой. Они появляются у детей только после знакомства с правилами поведения в конкретном обществе. Ещё одна особенность более сложных эмоций в том, что они могут включать в себя примеси первичных эмоций: например, ревность может включать страх и ярость, а вина – страх и грусть.

Таким образом, изучение проявлений зависти в античности вынуждено преодолевать не только проблему неартикулированности источников, но и принципиальную неуловимость и трудноопределимость этой эмоции как таковой.

В греческом языке зависть могла описываться через термины *phthonos* и *zelos*.

Сандерс обозначил важное ограничение, которое возникает при попытках исследовать зависть на материале античных текстов. *Phthonos* воспринималась (впрочем, как и сейчас часто воспринимается) как недостойная эмоция, и поэтому носители этой эмоции не признавались в ней. С другой стороны, этот ярлык хорошо подходил для дискредитации оппонента. Таким образом, выявление этой эмоции сильно осложняется.

В качестве методологии для анализа эмоции *invidia* в Древнем Риме целесообразно реплицировать подход Сандерса. Он выделил на основе источников все сценарии (типичные ситуации) проявления эмоциональных состояний, подходящих к концепту «зависть». Данные тексты он рассмотрел сквозь призму научных разработок современной психологии, исходя из

того, что когнитивная природа человека остаётся неизменной. В качестве античного эталона для корректировки возможных искажений вследствие использования современной психологии автор использует текст Аристотеля.

В латыни понятие зависти имеет явную визуальную коннотацию – оно передаётся глаголом *invidere* и образованным от него производными. В самом глаголе содержится явственная визуальная коннотация (она же содержится и в русской кальке – за-видовать (*in-videre*). В толковых словарях смысл отдельных аспектов данного понятия также передаётся через зрительные образы. Например, в латинско-английском словаре Льюиса и Шорта *invidia* переводится следующим образом: «to look askans at; to look maliciously or spitefully at; to cast an Evil Eye on».

Рассмотрим для начала на базовом концептуальном уровне формы проявления данной эмоции в контексте посещения римской виллы, визуальные оси которой подчеркивали богатство, престиж, утонченность и власть хозяина.

Согласно наиболее общеупотребимому определению, зависть – это эмоция, ощущаемая в ситуациях нехватки желаемого предмета. В рамках исследований психологов, социологов и антропологов зависть трактуется как сложная социальная эмоция, возникающая в условиях сопоставления себя с другими членами общества. Первоначальная стадия развития данной эмоции включает в себя 3 стадии восприятия:

- 1) Что кто-то другой обладает какой-то вещью или качеством
- 2) Что я не имею этой вещи или качества
- 3) Что данная ситуация несправедлива

Наличие данных рассуждений в источниках может служить в качестве предварительных индикаторов для *invidia*.

В ситуации посещения римской виллы разными категориями гостей во многих случаях очевидно должны были возникать вариации, связанные со стадиями 1 и 2. Как правило, принимающая сторона в римском мире гостеприимства имеет более высокое положение, чем гости, если речь не идёт о равных статусом друзьях хозяи-

на – но и в этом случае конкретно данная вилла и её интерьер были уникальными и неповторимыми, так что даже равный по статусу мог ответить бы положительно на вопросы первых двух пунктов.

А как же поступить с 3 пунктом? Именно он играет определяющее значение в том, чтобы воспринимающий неравенство субъект начал ощущать зависть.

По мнению Сандерса, в прямой пропорциональной зависимости к ощущению несправедливости находится самооценка. Чем выше самооценка – тем выше субъективное ощущение права претендовать на блага, вызывающие зависть. На этот счёт есть и прямо противоположное мнение Роулса, связывающие эти два состояния в обратную зависимость, а также мнение Бен-Зеева о том, что между ними нет никакой корреляции.

Наконец, по мнению Сандерса, зависть скорее возникает в ситуации сопоставления двух людей с равноправным статусом. Здесь он опирается в первую очередь на Аристотеля и его учение об эмоциях.

Из каких эмоций состоит зависть? Так как это сложносоставная эмоция, по мнению психологов её можно разделить на несколько частей. Так, Шпильман делит зависть на следующие элементы:

- 1) Чувство соперничества (включающее восхищение)
- 2) «Нарциссическая рана» (чувство приниженного положения, уязвлённого самолюбия, унижения, разочарования в себе)
- 3) Алчное желание либо уничтожить объект зависти, тем самым навредив противнику, либо присвоить имущество себе.
- 4) Ярость

Данные базовые составляющие зависти также являются индикаторами, если они присутствуют в связке с вышеупомянутыми индикаторами.

Второй аспект проявления неоднократно становился предметом внимания римских законодателей. Так, римское общество явно пыталось бороться с *invidia* путём запрета на демонстрацию роскоши. Эти меры были направлены не на богатство само по себе, а именно на его демонстрацию во время пиров, общественных процессов, при строительстве бань, пред-

назначенных для посещения, то есть в публичном поле. Если рассмотреть эти усилия в ракурсе достижений современной науки, то выводы будут неутешительными: многие психологи убеждены, что само по себе снижение социальных контрастов способны снизить общий уровень зависти, так как зависть чаще всего направлена на людей сходного статуса.

Рассмотрим теперь кумулятивные сценарии *invidia*, которые учитывают выше-названные индикаторы. Сандерс выделяет 5 общих сценариев зависти для Древней Греции:

1) Я ощущаю желание лишить тебя блага, но не хочу обладать им самому (зло-радная зависть)

2) Желание лишить тебя блага сильнее желания обладать им самому (алчная зависть)

3) Желание обладать сильнее желания лишить тебя блага (алчность)

4) Я ощущаю желание получить подобное благо, но не хочу лишать тебя (подражание)

5) Не хочу ничего делать, чтобы лишить тебя блага, но продолжаю чувствовать зависть (подражательная зависть)

Данный список сценариев, на наш взгляд, без ограничений можно реплицировать на Древний Рим. В контексте нашего исследования имеет смысл рассмотреть только позитивные сценарии – 4 и 5. Исходя из базовой рациональности сложно предполагать, что в визуальные перспективы могли сознательно закладываться негативные сценарии.

Сначала проанализируем сценарий 4: «Я ощущаю желание получить подобное благо, но не хочу лишать тебя». Также этот сценарий можно охарактеризовать как стимул и процесс подражания, которое заставляет добиваться подобного блага и, таким образом, ведет как к позитивным с точки зрения римского общества результатам (соперничество, честолюбие), так и к негативным (украшательство, стремление преумножить роскошь и богатство, пустить пыль в глаза своим соотечественникам).

Во II в. до н.э. Катон ожидаемо осуждал сенаторов за украшательство своих вилл. Но с тех пор ко времени Цицерона многое

успело поменяться. Марцано отмечает, что виллы были не только способом подтвердить факт принадлежности к римской элите, но и символом *стремления* туда попасть. В данном контексте зависть могла обретать позитивный смысл – так может объясняться факт попадания *invidia* в список тех эмоций, которые оратор по словам Цицерона должен уметь возбуждать в своих слушателях. Также о сложном отношении Цицерона к зависти говорят места, подобные рассуждению об отношении мудреца к эмоциям в Тускуланских беседах. Здесь Цицерон сближает сострадание и зависть: «Если бы мудрец был подвержен горю, он был бы подвержен и состраданию и зависти (*invidentia*) – не говорю «ненависти» (*invidia*), которая бывает, когда человек не может видеть чужого счастья; но ведь от слова «видеть» можно без двусмыслицы произвести и слово «зависть», которая бывает, когда человек слишком заглядывается на чужое счастье (...) Как сострадание есть горе о чужом несчастье, так зависть есть горе о чужом счастье. Кто подвержен зависти, тот подвержен и состраданию; мудрец не подвержен зависти, следовательно, и состраданию так же».

Однако уже в следующей книге Тускуланских бесед Цицерон ужесточает критику зависти и начинает ее определять как «горе от чужого благополучия, ничем не вредящего завистнику». В то время как подражание, то есть стремление получить то, чего у завистника нет, уже однозначно определяется негативно – как «соперничество в дурном («ревность»)), при котором человек хочет того, чего у него нет, а у другого есть». В конце концов Цицерон еще недвусмысленнее отвергает подражательную зависть: «Завидовать другому – это значит тоже соперничать, только более ревниво; в чем же тут польза, если вся и разница в том, что соперник томится о чужом добре, которого у него нет, а завистник – о чужом добре, потому что оно есть и у другого?».

Показательный пример подражательной зависти (4 сценарий) содержится у Саллюстия, хотя сам он дистанцирует подражание от зависти: «Предки наши, отцы сенаторы, никогда не испытывали недостатка ни в рассудительности, ни в отваге, и гор-

дость не мешала им перенимать чужие установления, если они были полезны (...) все то, чем обладали их союзники или даже враги и что им казалось подходящим, они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не завидовать».

Философские обобщения Цицерона перекликаются с более конкретными суждениями по поводу современников. Так, Цицерон осуждает Лукулла за то, что тот подал дурной пример соседям, построив роскошную виллу, то есть подал другим пример элитного строительства через зависть. Также весьма показательным, что в древнеримском публичном дискурсе присутствовало осознание того, что роскошные постройки полезны, когда предназначены для общественных нужд (и тогда это *magnificentia*), но допустимы в частных целях – как *luxuria*.

Таким образом, мы видим, что сценарий 4 не всегда воспринимался как позитивный самими римлянами, но все же он не трактовался как однозначно негативный, что оставляло простор для споров и рассуждений, а также потенциально позволяло владельцам вилл сознательно стремиться к возбуждению данной эмоции у своих гостей.

В завершение обсудим сценарий 5: «Не хочу ничего делать, чтобы лишиться тебя блага, но продолжаю чувствовать зависть». Наиболее вероятно возникновение данного эмоционального сценария у представителей нижестоящих слоев римского общества, у которых было значительно меньше возможностей достигнуть схожего с нобилитетом уровня благосостояния.

В одной из песен Гораций рассуждает о *незавидной* участи богача, которого ничто не может по-настоящему порадовать, хотя его роскошные хоромы и вызывают зависть простых людей. Обратим внимание на том, что словом *invidendis* характеризуются новые технологии и стили строительства, применяемые на виллах: «Зачем мне воздвигать атриум с колоннами и в новом возвышенном стиле, возбуждающих зависть? Зачем мне менять мою сабинскую долину ради бремени тяжелых богатств?». Из данного фрагмента видно, что Гораций осознавал силу воздействия анфилад на

посетителей, и, что еще важнее, данные методы воздействия осуждались как неподобающие.

Рассуждения Сенеки в «Нравственных письмах» весьма точно попадают под характеристики 5 сценария:

«Оставь богатства – они или опасны для владельца, или обременительны. (...) Оставь поиски почестей – это вещь спесивая, пустая и непостоянная, ей нет конца, она всегда в тревоге, не видно ли кого впереди, нет ли кого за плечами, всегда мучится завистью, и притом двойной. Видишь, как несчастен человек, если и тот, кому завидуют, завидует тоже. Видишь ты эти дома вельмож, эти пороги, у которых шумно ссорятся пришедшие на поклон? Ты натерпишься оскорблений, чтобы войти, а еще больше – когда войдешь. Иди мимо лестниц богачей и вознесенных насыпями прихожих: там ты будешь стоять не только над кручей, но и на скользком месте. Лучше направь шаг сюда, к мудрости: стремись к ее покою, к ее изобилию!».

Логично было ожидать, что Сенека в духе стоицизма развернет проблему от зависти к состраданию, подчеркивая, что вельможи, которым принято завидовать, считают свою долю незавидной и тяготятся своим неустойчивым положением на вершине скользкой социальной лестницы. Но при всем этом обратим внимание на контекст, в который Сенека помещает свою философскую максиму: это вестибюли и атриумы дорогих домов и вилл, откуда на верхние этажи возносятся лестницы (а также, надо полагать вслед за Горацием, колонны и украшенные красочными фресками стены). В результате рассмотрения данных сценариев можно констатировать, что обстановка виллы могла в определенных условиях вызывать эмоциональные состояния, которые могут характеризоваться как *invidia*.

В завершение статьи рассмотрим символический контроль над природой и связанные с этим суггестии и эмоциональные состояния на римских виллах.

Контроль над природой.

Марцано отмечает, что к I в. до н.э. *vil-lae marittimae* стали метафорой контроля, осуществляемого человеком над природой

и символом цивилизации в естественной среде. Архитектура несет в себе огромный цивилизаторский компонент и, таким образом, может символически выражать собой власть человека или общества над пространством. Особенно ярко, надо полагать, это должно ощущаться в лиминарных пространствах, которые сами по себе являются ареной схватки нескольких стихий – морской, воздушной и земной, как, например, на морском побережье. Помещенная в этот контекст вилла, господствующая и над землей, и над морем, являет собой идеальный образ контроля (*im-regium*), объединяющей под своей символической властью море, горы и небеса.

Перселл предложил классификацию типов контроля над природой – вмешательство в морской ландшафт путем постройки мостов, понтонов, променадов; контроль над речной водой путем постройки каналов, водопадов и прочих объектов садово-паркового дизайна»; наконец, контроль над высотой путем возведения вилл на высоких холмах, скалах, создание террас и проч. Отметим, что идея контроля над морской стихией вписывается в контекст борьбы Рима за господство на морских путях, в особенности торговых, поставляющих в Италию зерно.

Рассмотрим одно весьма показательное поэтическое произведение, которое раскрывает сразу несколько аспектов символического контроля архитектуры (и ее владельцев) над силами природы. В одной из поэм в составе сборника «Сильвы» Стаций восхваляет силу своего визави через описание виллы, господствующей над морем. В тексте поэмы постоянным рефреном возникают фразы про власть, контроль, усмирение, подчинение и преобразование: «*domuit possessor*», «*domat saxa aspera dorso*» и т.п.

Владелец виллы и созданная под его руководством архитектура, таким образом, контролируют сенсорный ландшафт, подчиняют природу, трансформируют ее в соответствии со вкусами заказчика.

Далее, поэт отмечает, что комнаты выходят на разные стороны света и, соответственно, подразумевает «контроль» владельца над температурой помещений: «Вот эта комната видит Первые Феба лу-

чи, а та закатные ловит, // Не допустив полуденный жар отвесного света».

Также архитектура и ее владелец осуществляют контроль над звуками местности, заглушив шум волн: «Море немолчно шумит, но под кровом вовсе не слышно // Звуков прибоя – земли молчанье там слух улаждает. // Местность благословив, уступила природа искусству, // И, восприимчивая, приспособилась к правилам новым».

По словам Стация, человеку подчинились не только свет, жара и звуки прибоя – но даже сам ландшафт уступил его неумолимому напору. Там, где была гора – теперь равнина, там, где было болото, теперь есть постройки: «Местность благословив, уступила природа искусству, // И, восприимчивая, приспособилась к правилам новым. // Здесь, где равнину ты зришь, была гора; и болото // Там, где вступаешь под кров. Любуешься рощей высокой? // Не было там и земли: господин победил неудобья. // Он и возводит утес, и сносит. И то, и другое // В радость земле. Носить ярмо приучаются скалы, // Пред наступлением построек гора покорно отходит».

А там, где ландшафт не менялся, архитектура оседлала скалу и тем самым продемонстрировала свое господство: «Кверху карабкается по скале извилистый портик // Скажешь, что город! – и скал каменных смиряет строптивость».

В завершение приведем примеры визуальных перспектив и суггестий на римской вилле, которые могли воплощать собой и транслировать посетителям идею контроля над природными стихиями, в том числе растительным миром. На вилле Сан Марко (рис. 1) есть три группы объектов, подходящие под эти характеристики:

1) визуальная ось через помещение 28 (виридарий) и фригидарий термального комплекса (25).

2) визуальная ось, объединяющая вид на море, парадный триклиний 16, длинный бассейн 15, а также нимфей (65-64).

3) наконец, в категорию архитектуры «контроля» также вписывается иллюзионизм росписей стен перистилия, которые путем зеркального отображения платановой рощи амплифицируют визуальные ощущения от реального сада и, таким об-

разом, выражают идею контроля над визуальными ощущениями посетителей, и, в особенности, криптопортик (помещения 62-63). Данное сооружение могло воплощать собой идею контроля над температурой среды и шумом, так как оно сохраняло прохладу в жаркий день, одновременно гася звуки, приходящие со стороны моря или окрестных домовладений. Защищенный от внешних воздействий, шума, дождя, ветра и жары, криптопортик позволял ощутить над собой *изолирующий* контроль архитектуры по замыслу и воле ее владельца.

Таким образом, перспективы и отдельные помещения, символизирующие идею контроля (*impregium*), в основном группируются в наиболее закрытой части виллы, в то время как перспективы, возбуждающие зависть, находятся в более публичной части виллы (колонны атриума, лестницы на входе, визуальные оси, выводящие к перистиллю и т.д.). В нашем распоряжении теперь дополнительное подтверждение гипотезы социальной обусловленности визуальных перспектив, встречающихся на римских виллах. Чем дальше от входа, тем явственнее актуализируется идея контроля, и тем реже использование суггестии зависти.

В то же время, мы не можем исключать и такую трактовку – главным символическим смыслом и интенцией любых визуальных перспектив было возбуждение именно зависти, просто в отношении разных групп посетителей требовались разные методы воздействия. Для нижестоящих социальных групп наибольшую зависть вызывала роскошь отделки, высокие колонны и визуальные оси, демонстрирующие площадь владений. А для представителей знати признаков роскоши и размаха строительства уже было недостаточно для возбуждения подражательной зависти (стремления соперничества), и поэтому по мере движения от входа на виллу к перистиллю и криптопортику происходил

постепенный переход к суггестиям другого типа, а именно к контролю над силами природы, ландшафтом и сенсорными ощущениями. Таким образом, и зависть, и контроль приходят к единому знаменателю, хотя и демонстрируют разные подходы к решению одной коммуникативной задачи в рамках римской виллы.

Выводы

Проанализировав сценарии эмоционального состояния, называемого в античности *invidia*, которые лучше всего подходили к контексту визуального и психологического опыта посетителей вилл, мы пришли к выводу обоснованности включения *invidia* в число суггестий, символически воплощенных в визуальных перспективах. Тексты показывают неоднозначное отношение к зависти, трактуемой как возможный стимул для подражания, а, значит, имеющей потенциал социального, то есть полезного применения в римском обществе, где соперничество внутри элит и честолюбие были социально одобряемой нормой. Во второй части статьи были рассмотрены фрагменты стихотворения Стация, в которых нашли яркое отражение образы символического контроля архитектуры (и ее владельцев) над природной стихией. Выявленные образы контроля были затем сопоставлены с перспективами на вилле Сан Марко. Суггестии зависти по сценарию 5, как правило, встречаются в начале маршрута посетителей (и включают в себя помещения, доступные для посетителей из нижестоящих социальных групп). Суггестии контроля, наоборот, в более глубинных частях виллы, куда попадали группы, близкие к владельцу по своему статусу и состоянию. Кроме того, есть возможность объединить обе суггестии, *invidia* и *impregium*, в рамках одной интенции – если интерпретировать *impregium* как способ решить ту же самую коммуникативную задачу, но в отношении более близких к владельцам виллы социальных групп.

Библиографический список

1. De Simone G.F., Roger T. MacFarlane. Apolline Project Vol. 1. Studies on Vesuvius' North Slope and the Bay of Naples. Quaderni della ricerca scientifica: serie beni culturali 14. Naples; Provo, UT: Università degli Studi Suor Orsola Benincasa; Brigham Young University, 2009. 380 p.
2. Drerup H. Architektur als Symbol. Zur zeitgenössischen Bewertung der römischen Architektur. Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung, 1966, Bd. 73, S. 181-196.
3. Klein M. Envy and Gratitude and Other Works 1946-1963. London and Toronto: Vintage Publishing, 1957. 384 p.
4. Konstan D. The Concept of «Emotion» from Plato to Cicero. Methexis, 2006, Vol. XIX, P. 139-151.
5. Marzano A. Roman villas in central Italy: a social and economic history. Leiden; Boston: Brill, 2007. 823 p.
6. Schulz R. Die Antike und das Mittelmeer – ein Kampf um Routen und Ressourcen. In: Das ungeheure Wellen-Reich. Bedeutungen, Wahrnehmungen und Projektionen des Meeres in der Geschichte (= Oldenburger Schriften zur Geschichtswissenschaft 15). Oldenburg, 2014, S. 23-32.
7. Sanders E. Envy and Jealousy in Classical Athens: a Socio-Psychological Approach. Oxford: Oxford University Press, 2014. 207 p.
8. Zarmakoupi M. Porticus and cryptoporticus in luxury villa architecture. In: Art, industry and infrastructure in Roman Pompeii. Oxford: Oxford University Press, 2015, P. 75-102.
9. Statius. Silvae. Edited and translated by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 206. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.
10. M. Procius Cato fr. 185. In: Malcovati H. Oratorum Romanorum Fragmenta. Turin, 1955, p. 75.
11. Cicero. On Duties. Translated by Walter Miller. Loeb Classical Library 30. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1913.
12. Cicero. On the Orator: Books 1-2. Translated by E. W. Sutton, H. Rackham. Loeb Classical Library 348. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942.
13. Cicero. Tusculan Disputations. Translated by J. E. King. Loeb Classical Library 141. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927.
14. Cicero. On the Republic. On the Laws. Translated by Clinton W. Keyes. Loeb Classical Library 213. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1928.
15. Cicero. Pro Sestio. In Vatinius. Translated by R. Gardner. Loeb Classical Library 309. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958.
16. Seneca. Epistles, Volume II: Epistles 66-92. Translated by Richard M. Gummere. Loeb Classical Library 76. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1920.
17. Sallust. The War with Catiline. The War with Jugurtha. Edited by John T. Ramsey. Translated by J. C. Rolfe. Loeb Classical Library 116. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
18. Horace. Odes and Epodes. Edited and translated by Niall Rudd. Loeb Classical Library 33. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
19. Cato, Varro. On Agriculture. Translated by W. D. Hooper, Harrison Boyd Ash. Loeb Classical Library 283. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1934.
20. Scavi archeologici di Stabiae. Pompeii. Soprintendenza Pompei, Castellammare di Stabia, 2016. P. 8-9.

CUR INVIDENDIS POSTIBUS MOLLIAR ATRIUM: ENVY AND CONTROL AS THE TWO MODI OF POLITICAL COMMUNICATION ON THE VILLAS OF ROMAN NOBILITY

V.G. Telminov, *Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Associate Professor*
National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

Abstract. *This article takes a fresh look on the problem of envy and control as emotional, symbolical and psychological entities applicable to political, social and architectural contexts of ancient roman villas. Having analyzed scenarios of invidia in literary sources, the author comes to the conclusion that invidia can be feasibly assumed as one of the emotions targeted by visual perspectives and other architectural means of suggestiveness. The texts show an ambiguous attitude towards envy, interpreted as a possible incentive for imitation, and, therefore, having the potential of becoming a socially approved norm in the Roman society, where rivalry within the elite and ambition were inherent elements. Subsequently, author examines Statius's poem *Silvae*, in which images of the symbolic control of architecture (and its owners) over the natural elements were analyzed. The identified images of control were then compared with the visual perspectives at Villa San Marco. Suggestions of envy through architectural means are typically found at the beginning of a visitors' route (and belong to premises accessible to visitors from lower social groups). Suggestions of control, on the contrary, were normally to be found in the more private parts of the villa, where it was more likely for the peers to be accepted as visitors and friends. Finally, author sets forward a possible way to combine both suggestions within the framework of one intention, with imperium considered as just another way to target the same invidia, but applied to more sophisticated visitor groups.*

Keywords: *Ancient Rome, villae maritimae, History of Emotions, Political Communication.*